

БРИЗИН КОРПС

Ничто

N T H I N G

Бризин Корпс

Ничто

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9366955

ISBN 978-5-4474-0646-2

Аннотация

Воспоминания являются причинами людских действий. Но что если твои воспоминания – не твои вовсе? Что если ты запрограммирован поступать как-то определенно? Что если ты не живешь, а только существуешь в качестве чьего-то вымысла? И что если ты – ошибка Вселенной, чья-то разыгравшаяся фантазия?

Содержание

До	6
Воспоминание 1	6
Воспоминание 2	12
Воспоминание 3	19
Воспоминание 4	23
Воспоминание 5	34
Воспоминание 6	46
Воспоминание 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ничто

Бризин Корпс

© Бризин Корпс, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Пока ты ребенок, ты не следишь за временем, а просто наслаждаешься тем, что оно у тебя есть. Ты не замечаешь, с какой скоростью проносятся дни, ведь они проносятся не мимо, а, как ветер, подхватывают тебя и увлекают за собой, и ты черпаешь из каждой представившейся тебе возможности по максимуму, растрачиваешь силы в течение суток с самого раннего утра до самого позднего вечера, приходишь домой и засыпаешь мертвым сном в своей кровати, безмерно уставший и счастливый. Твоя жизнь так и полнится разными событиями. Кажется, что каждый момент скрывает в себе что-то, пронесит это сквозь годы в будущее.

Странно, что потом, когда вспоминаешь свое детство, не помнишь практически ничего. Да, у тебя остаются в памяти события, которые ты готов переживать вновь и вновь, лежа с закрытыми глазами и просматривая их, как фильм, но эти мгновения – они ведь запомнились лишь потому, что были самыми яркими, самыми значимыми. А как же то, что приносило не меньше радости и счастья, но было обречено

на забыть? Как же те пустые мелочи, которые когда-то являлись далеко не мелочами?

Наверное, воспоминания нужны человеку лишь для того, чтобы не забывать, кто он, чтобы помнить свою сущность и знать свое место, хоть в общих чертах представлять себе картину своего прошлого, но не жить в нем, не растворяться, а ловить мгновение и быть в сегодняшнем дне, ощущая его внутри себя и на себе.

Человеческую жизнь можно представить как череду воспоминаний прошлого и единственный миг, называемый «сейчас». Но как же выбрать, когда кончается ДО и когда начинается ТЕПЕРЬ? Где и как провести грань между прошлым и настоящим? С какой поры можно начать отсчет себя? Когда начинается эпоха твоего «я»?

И ответ прост:

В то утро, когда ты встанешь и откроешь глаза, как обычно посмотришь вокруг себя сонным взором, но, вместо того чтобы улыбнуться, нахмуришься без явной видимой причины, как будто бы подсознательно чувствуя, что что-то поменялось, и в твоей голове возникнет один вопрос...

В то утро, когда ты задашь себе его. В то утро, когда ты сможешь ответить.

О, именно в это утро и начнется твое сейчас.

До

Воспоминание 1

Как только солнечный луч лизнул оконное стекло и вторгся внутрь комнаты, разорвав пелену темноты на неровные клочки, веки маленькой девочки дернулись и раскрылись, показывая зелено-карим глазкам исчезающую тьму.

Она потянулась и повернула голову направо, но, не обнаружив бабушки с собой, повернулась полностью и снова закрыла глаза. Когда вот так просыпаешься и не находишь никого рядом, это значит только то, что кто-то скоро будет тебя будить – это девочка знала на зубок.

Ребенок лежал под теплым одеялом, слушал стук своего крохотного детского сердечка и сжимал глаза в неудержимом волнении перед чем-то, что его ждало за гранью этой согревающей ткани. Только бы не испортить сюрприза, только бы не увидеть его раньше времени! Дождаться, непременно дождаться, когда придут будить.

Она пролежала еще немного, прежде чем до ее слуха донеслись легкие шаркающие звуки со стороны двери: так могла ходить только бабушка, вне всякого сомнения! Вот уже слышно, как она тихонько открывает дверь в комнату, словно боясь ненароком потревожить сон именинницы. А вот

шаркающие звуки стали понемногу затихать – бабушка пошла по ковру. Значит, она в комнате. И в следующую минуту рядом с ней уже сидела любимая старушка. Уже нет мочи сдерживаться!

Девочка откинула одеяло и, улыбаясь во весь свой маленький ротик, обняла бабушку за шею.

– Тише, тише, Машенька, – засмеялась та, мягко поддерживая свою внучку. – Еще уронишь – вон какая ты сильная!

Девочка не слушала произносимые слова: все ее внимание занимали неровные и быстрые удары сердца внутри: казалось, будто бы ему ничего не стоит вырваться из заточения грудной клетки. Это неровное биение отдавалось гулом в ушах и дрожью в пальцах: от него нельзя было спастись. Возбуждение перерастало в удивительно-странное ощущение, будто бы не сердце бьется внутри, а сам мир бьется снаружи. Тук-тук. Тук-тук. Воздух дрожит от волнения. Это волнуется не девочка, проснувшаяся в день своего рождения с лучезарной улыбкой и нескрываемым счастьем в глубине зрачков, это волновался каждый атом атмосферы.

Бабушка заметила невнимательность внучки, но только лишь улыбнулась в ответ на нее и аккуратно сжала маленькие горячие ладошки своими изборожденными морщинами руками, сухими, но такими родными для Маши и приятными на ощупь. Девочка сжала их в ответ. Вот бы так сидеть и не отпускать их никогда. Всю жизнь провести рядом с бабушкой в таком приподнятом, безумном настроении. Вот бы

каждый день светиться от любви ко всем и вся! Вот бы каждый день был днем рождения!

– Тебе уже пять лет, – проговорил знакомый и до безумия обожаемый голос. – Ты стала совсем взрослой. Сегодня похвастаешь этим перед друзьями в детском садике.

Детский сад – это второе значимое место из ранних лет, которое Маша помнит до сих пор. Она может проводить тебя до этого двухэтажного здания и рассказать, каким оно было давным-давно. Сейчас она, конечно же, не возвращается в эти чтимые сознанием и сердцем места, но были времена, когда время делилось для нее на проведенное в садике и дома.

И хоть юная Мария уже не заглядывает туда, где в детстве проводила многие часы, но она все равно помнит каждую свою воспитательницу, каждый класс, помнит свою бабушку в белом халате за столом в кабинете. Она помнит все это и не может говорить об этом без улыбки.

В тот день, одиннадцать лет назад, Маша не задумывалась ни над цветом стен детского сада, ни над лицами своих воспитателей – для нее все эти детали, сейчас приобретшие весомость и значимость, тогда не играли никакой роли. Голова ее была забита мыслями лишь о том, как ее будут поздравлять и что ей подарят, какую песенку споют. Девочка улыбалась, думая об этом и в тайне надеясь, что ее ждет что-то такое, чего никто больше не был удостоен.

Когда бабушка собиралась, Маша потихоньку подбежала

к зеркалу и посмотрела на свое отражение. Напротив стояла улыбающаяся девочка, одетая чисто и празднично, она выглядела так хорошо, ее лицо светилось такой радостью, что казалось невозможным на нее наглядеться. Румянец красил детские щеки, выставляя напоказ каждому смотрящему на них жизнерадостность и пылкий задор ожидания.

Однако что-то не так.

Это в один миг стерло с губ девочки сияющую улыбку счастья и предвкушения праздника, это бросило тень в ее глаза, это ссутулило ее спину.

Нельзя выразить словами, но что-то не так.

Такое же ощущение возникает, когда смотришь на рисунки посредственных художников: в общем-то рисунок неплохой, но кажется, будто чего-то в нем не хватает, что он не доработан. И сейчас Маша испытывала то же, глядя не на какой-то там рисунок, а на свое собственное отражение.

Она сделала неспешный шаг вперед. Еще. Подошла к стеклу вплотную и коснулась своего отражения пальцем, ощутив его подушечкой легкую прохладу. Еще палец. Еще. Маша внимательно наблюдала за своими движениями и за их синхронным повторением. Ее взгляд скользнул выше – до локтей, до плеч, до шеи. Теперь зелено-карие глаза смотрели в упор на такие же, похожие точь-в-точь.

Что-то не так – змеей скользнула мысль в детском сознании.

– Машенька! – раздался громкий крик бабушки из коридора.

дора, и дверь в комнату с зеркалом тут же открылась. В стеклянной глади возникла знакомая фигура любимой старушки, настолько похожая на настоящую, что сразу нельзя было бы с уверенностью утверждать, кто есть кто. – Пора выходить. Хватит уже любоваться, опоздаем.

Девочка испугано дрогнула и повернулась лицом к своей бабушке, с какой-то наивностью вновь глянула на себя. Ее брови были сдвинуты – ребенок отчаянно пытался ответить на свой собственный заданный вопрос: «что со мной не так?», но не мог, и вопрос не исчез просто так – он как вился змеей в голове, так и продолжал в ней виться.

– Это же ты, – говорила бабушка, отраженно улыбаясь Маше, нежно касаясь детских плеч и заглядывая в сосредоточенные глазки. – Не узнала в такой красавице себя? – она потрепала девочку за щеку и поцеловала ее.

Странная тревога поднялась в девочке: ей вдруг стало страшно, что бабушка спутает ее с той девочкой из зеркала. Да и как их не спутать бедной старой бабушке, когда даже она сама в какой-то миг могла бы усомниться в своем существовании.

Маша повернулась и обняла старушку за шею, прижимая к своей груди как можно крепче.

– Ты же знаешь, что это я, верно? – тихо прошептала она, всеми силами сдерживая слезы, уже проступающие на глазах. – Ты же не ступаешь меня?

– Что ты, милая, как же я тебя спутаю? – проговорила та

в ответ, глядя своими сухими ладонями по спине внучки. –
Я же знаю, кто из вас настоящий.

Воспоминание 2

В детском саду детей непременно поздравляли с их днями рождения. Казалось просто немислимым представить возможность хоть один год прожить без этой традиции, ведь, как-никак, у этих прелестных созданий появление на свет должно с измальства ассоциироваться с чем-то чудесным.

Именно поэтому в течение всех далее идущих лет своего существования люди так трепетно ждут сего счастливейшего дня – будто эта заслуга (что они появились в этом мире) по праву принадлежит им одним, тогда как это совершенно не так.

Конечно, не стоит осуждать детские учреждения в том, что они решили дать молодому поколению еще один повод для празднества, ведь детство, как почва, должно хранить в своих недрах богатый запас всего наиболее полезного для последующих удачных и многократных всходов и сборов урожая. Поэтому-то так важно провести его припеваючи, ни о чем не заботясь и постоянно играя и развлекаясь.

Торжества по этому поводу в детских садах проводятся обыкновенно на один манер – никаких разнообразий не вносят в программу, и все остается одним и тем же в течение всего срока существования заведения. Меняется рабочий персонал, меняется облицовка стен и, возможно, меняется мебель – но как минимум две вещи остаются постоянными.

ными в любой школе, в любом детском саду: устройство дня рождения и меню в столовой.

Вполне возможно, что такой порядок введен для того, чтобы никто не чувствовал себя обделенным, чтобы никто никому не завидовал и все были равны между собой. Однако кажется весьма маловероятным, что детям может понравиться получать то же самое, что и другие. Конечно, неприятно видеть, что у кого-то игрушка лучше, чем у тебя самого, но в тот момент, когда ты сам получаешь что-то, отличное от остального, ты готов сиять от счастья и удовольствия, ловя на себе взгляды своих одноклассников.

Дети – это не глупые создания, и у них тоже есть чувства, эмоции. Они делают выводы уже с малых лет. Нельзя пытаться всем угодить – все равно кто-то будет обделен, а если хочешь устроить действительно хороший праздник – прояви фантазию, а не делай по шаблону.

После того как все объяснилось и стало предельно ясным, ты же не будешь осуждать Машу за то, что она не испытала радости, когда все ее ожидания в этот день просто разбились вдребезги?

Она заснула накануне своего дня рождения намного позднее, чем обычно. Ее голову посещали различные мысли насчет предстоящего события – девочка, не прекращая, думала, что ей подарят, какой праздник ей устроят. Ведь детское сознание – оно такое восприимчивое: даже маленький, ничего не значащий для взрослого и мудрого человека, пу-

стячишко может навести ужасный беспорядок в юном мозгу, все там перевернуть.

Девочка думала о подарках, о завистливых взглядах прочих несчастных, не родившихся в тот же день детей. От всего этого так сильно стучало сердце, что от громкости его ударов бедняжка не могла заснуть. Однако, хотя она все-таки и погрузилась в сон, с губ ее еще долго не сходила довольная улыбка предвкушения.

Когда же она пришла в детский садик, улыбка ее начала тускнеть секунда за секундой.

К ней подошли воспитательницы и, воодушевленно поздравляя, проводили к столу, за которым уже сидели все остальные ребята из ее группы. Одетые, как и всегда, будто бы сегодня не был никакой праздник, они, в добавок ко всему прочему, пребывали в полнейшем недоумении, не имея совершенно никакого понятия, почему их собрали в одну кучку в сей совершенно обыкновенный день, такой же, как и прочие.

Когда воспитательницы встали во главе стола и все повернули к ним свои головы с не сходящим с них недоумением, Маша услышала свое долгожданное поздравление, и уголки губ ее, слегка дернувшись, опустились под грузом легкой печали. Ребенок разочаровался в этих людях в один миг, хотя до этого они были для него примером и чуть ли не самыми прекрасными существами после бабушки.

Воспитательницы говорили те же слова, что и в день рож-

дения Максима, Даши. Они говорили те же самые предложения с тем же самым выражением на тех же самых лицах. Казалось, что они просто издеваются или наивно рассчитывают на то, что их хитрость никто не замечает. Маша оглядела внимательные и улыбающиеся физиономии сидящих за столом. Ну неужели они действительно не видят? Неужели им не знакомы эти слова, которые каждый слышал по многу раз? Ведь они же просто повторяют то же самое раз за разом, обманывая наивных именинников своими лживым, вырезанными по заготовке улыбками, своим наигранным, холодным смехом.

Нет. Бедолаги-ребятишки на самом деле ничего не подозревают.

А разве ты сама, Маша, не улыбалась также счастливо, когда эти же поздравления звучали в адрес Максима и Даши? О, не вини их – все обращают внимание лишь на то, что их непосредственно касается.

Пока воспитательницы повторяли речь, не меняющуюся год за годом, девочка потихоньку теряла энтузиазм. День рождения вдруг начал тускнеть и превращаться не во что-то особенное, а просто в такой же, как и все остальные дни года, день. Не более, чем в очередной календарный лист, сорванный и забытый назавтра.

Маша откинулась на спинку стула и в раздумье ковыряла вилкой кусок торта.

Она его уже ела. И неудивительно – торты ведь тоже не ме-

няются: меняется лишь количество свечей.

Губы Маши вдруг скривились в гримасу, и она резко отодвинула от себя тарелку. Никто, впрочем, не заметил этого внезапного и раздраженного, полного одновременно и разочарования, и злобы жеста. В этот момент все разделяли чувство упоения – слушали с замершими, каменными, словно выгравированными на вазе улыбками произносимые банальные слова.

Что-то скрипнуло.

Девочка слегка повернула голову вправо, потом влево, вслушиваясь.

Скрип или треск послышался вновь.

Если бы ребенок знал, как звучат поцарапанные виниловые пластинки, он бы непременно сравнил услышанный звук именно с этим. Однако Маша никогда в жизни не слышала музыки с винила, и ей пришлось довольствоваться сравнением с несмазанной калиткой во дворе.

Звук будто бы становился громче. Сначала он просто слышался, но теперь Маше казалось, что этот скрип, треск или что-то другое не менее раздражающее стал настолько очевидным, что не услышать этого было просто невозможно.

Однако – никто не слышал. Не слышали ни дети, ни воспитательницы. Более того, казалось, что они вообще не придают значения чему бы то ни было: все происходящее будто бы существовало вне их и их самих не касалось ни коим образом. Со стороны это могло бы показаться постановкой

в кукольном театре – отточенные движения, замершие улыбки, заученные роли и странный, неумолкающий треск над самым ухом... Все ближе и явственнее...

Внезапно Машину голову пронзила безумная боль. Ей показалось, словно в ее мозг воткнули огромную острую иглу. Было настолько больно, что глаза сами собой закрылись. Руки же инстинктивно потянулись к ушам, пытаясь хоть как-то заглушить этот безумный треск, звучащий нестерпимо громко.

На какой-то миг, хотя Маше это показалось намного длиннее мига, все замерло – не только лица окружавших стол людей, но и они сами; фразы легким облачком повисли в воздухе, в отчаянии стараясь не упасть и не разбиться. У кукол кончился завод, и теперь Небесный Карабас принялся заводить их снова.

Мир вдруг взял паузу, чтобы сделать вдох. Все умерло ненадолго, и только одна Маша не остановилась, подобно прочим. И только одна она услышала этот звук – звук торможения Вселенной, звук замирания полета галактик, звук остановки сердца; только одна она на самом деле пережила этот маленький конец Света, перешагнула через временную грань, вошла в какую-то новую жизнь...

– С днем рожденья! С днем рожденья! С днем рожденья! – услышала Маша уже в следующую секунду сквозь плотно заткнутые пальцами уши и открыла глаза. Все на месте. Все было так же, как и до. Ничего не изменилось и сейчас: те же

лица, тот же торт и те же поздравления все в том же дне. Маша кинула взгляд на часы на стене – время то же; даже секундная стрелка, что престранно, все в том же положении, и только сейчас она дрогнула и вновь начала ход.

Наверное, просто так много мыслей скопилось в детском сознании, что это вызвало ужасную головную боль? Наверное, именно по этой причине и показалось, что время остановилась, а земной шар замер в чернеющем вакууме космоса? Оно и понятно – людям всегда кажется, что Вселенной только и хочется, что продлить их мучение на как можно более долгий период.

– Угадай, что мы тебе приготовили? – доносились наигранно-заискивающие голоса воспитательниц. Маша неохотно повернулась в их сторону. Она почему-то точно знала, что не сможет обрадоваться тому, что сейчас увидит. Она почему-то была уверена, что знает наперед, что ей сейчас вручат. Все окружающее казалось приторным, и даже сам воздух пах притворством и гнилой действительностью.

Помнила она, что всем мальчикам дарят машинки, а всем девочкам – куклы? Помнила или просто предугадала? Или, может быть, Маша уже настолько разочаровалась в своем дне рождения, что уже не ожидала никакой оригинальности ни от кого и ни от чего?

Как бы то ни было, восхищенные скорее самими собой, чем Машиным подарком, воспитательницы протянули ей барби.

Воспоминание 3

Машина бабушка любила рассказывать историю о том, как в их доме появилась кошка Муся:

– Витя ее принес нам. Твой дедушка, – говорила она, не без улыбки начиная вспоминать. – Маленькую-маленькую такую принес, с руку. Она в варежке его лежала: зима была. Ну я сразу же начала его отчитывать и говорить, что котенок нам не нужен, но он меня не слушал, смотрел на нее, а она все мяу-мяу. Я и подумала, что ей, наверное, есть хочется. Вот и налила молока в блюдечко. А она – вижу – не лакает: маленькая еще очень. Я взяла ее в руки и кормила из пипетки. Вот так потом и кормила ее, пока не обнаружила, что она мне всю пипетку изгрызла – тогда-то и перешли мы на корм.

Муся не была общительной кошкой, она не любила, когда ее гладили, она не просилась посидеть на руки. В круг ее доверия входили только дедушка и бабушка – Маша видела, с какой любовью Муся трется об их ноги, руки, как она к ним ластится. Девочке очень хотелось подружиться с кошкой, но та, казалось, давным-давно решила для себя, кто стоит ее внимания.

Правда, со временем Муся все же привыкла к надоедливой фанатке и даже начала привязываться к ней: ходила за девочкой по квартире и, стараясь не показывать беспокойства, с некоторой расторопностью принималась разыски-

вать, если той не было рядом продолжительное время.

Странно, что Маша так полюбила это нелюдимое создание: дети обычно любят таких, с которыми можно поиграть, которых можно потискать и погладить. Но Маша не относилась к их числу: девочке было намного приятнее находиться в компании спокойной Муси, чем изматываться, пытаясь поспеть за прыткими котами.

Дружба, возникшая между девочкой и кошкой, могла бы сравниться по крепости с Китайской стеной. В ней хоть и не было того, что обыкновенно бывает между ребенком и животным, но зато в ней существовала связь – та связь, которую невозможно передать ни словами, ни мяуканьем, ни поглаживанием. Ее просто чувствуешь. Будто привязываешь свое сердце к другому незримиыми нитками – испытываешь странное покалывание внутри, но от осознания того, что кто-то у тебя есть, губы сами по себе расплываются в улыбке.

В детстве нет еще таких проблем – с привязанностью. В детстве ты намного проще смотришь на мир и на проживающих в нем людей. Но позже ты постепенно начинаешь осознавать злую истину: если ни к кому не привязаться, можно медленно загубить свою душу; если привязаться не к тому, она умрет в не меньших страданиях.

Первое подобное осознание постигло Машу через пять лет, когда у Муси обнаружили рак и она умерла в двенадцатилетнем возрасте.

В этот день девочка, придя домой, не обнаружила кош-

ку. Она обыскала все углы в квартире, заглянула в каждый шкаф, исследовала каждый миллиметр квартиры – Муся не было. Маша в отчаянии уже хотела было броситься на улицу, ведь – как знать – Муся могла пойти прогуляться. Муся могла просто выйти, просто захотеть походить по дорогам. Почему отсутствие рядом кого-то близкого должно непременно означать что-то нехорошее?

И когда она спросила бабушку, та ответила словами, бьющими в самое сердце, разрывающими все внутри, как граната.

Маше было только десять лет: смерть до этого момента была для нее явлением посторонним, чем-то таким, что существует вне зависимости от нее самой и вне возможности даже намека на какие-либо контакты с ее собственной жизнью. Однако теперь девочка внезапно столкнулась с реальностью, захлестнувшей ее неудержимой волной. Кто-то снял очки и показал настоящее во всех оттенках красок, а не только в тех, в которых его вольготнее всего узреть. Маша пока не видела всего, но даже того ухваченного краешка хватило для того, чтобы в голове ребенка поселилась мысль о конечности любого живого существа. До этого момента она еще надеялась, что любовь, которую чувствуешь по отношению к кому-то, спасает объекта чувства от смерти, но теперь у нее опустились руки. Она поняла, как она слаба. Как слабы все.

В тот день, в тот самый миг, когда бабушка произнесла эти трагичные и революционные для детского сознания слова:

«муся умерла», пока в голове ее волчком вертелись мысли, Маша бросилась на шею к старушке и обняла ее так крепко, как только могла.

Среди беспорядочного роя разнообразных осмыслений, среди бесконечного потока новых умозаключений, на фоне прояснившейся картины действительности ребенок заметил единственную неимоверно важную по сравнению со всем остальным деталь.

И этой деталью была страшная идея, страшное осознание того, что человек, подаривший так много тепла и заботы, тоже когда-нибудь умрет.

Воспоминание 4

Когда Маша пришла в школу, она решила подружиться со всеми.

Этот ребенок был настолько чистым душевно, настолько любвеобильным, что ему представлялась невозможной хотя бы мысль о том, чтобы ни с кем не познакомиться, ни с кем не пообщаться, никого не узнать.

Из первого сентября – самого первого в школьной жизни – она помнила только крохотную часть, в которой поднималась по лестнице, смотря себе под ноги, изучая ступеньки, слушая девушку, чью руку держала. Она увидела свою классную руководительницу и нескольких других учителей. Они все показались такими взрослыми и мудрыми, словно это были не просто педагоги, а настоящие гении мысли, заслужившие своими знаниями Нобелевские премии мира. Очки придавали особенную солидность тем, кто их носил. Те же, у кого со зрением все было хорошо, почему-то все равно не казались менее солидными. Мысли путались от торжественности происходящего, от видимого величия фигур учителей. Маша не придавала особенного значения тому, что в голове ее могла проскочить сначала одна мысль, а потом в корне ей противоположная. Сейчас ничего из этого не могло сравниться с разворачивающимися перед ее глазами действиями, поэтому уделять чему-то постороннему, блуждаю-

щему в мозгу, какое-либо излишнее внимание было бы крайне неосмотрительно.

Школа в этот первый день знакомства показалась чем-то вроде бесконечного хранилища нового и необходимого. Ученики представлялись детскому сознанию невинными и скромными созданиями, готовыми помочь в случае надобности и всегда радостно и просто идущими на сближение.

В скором времени, однако, ситуация начала складываться так, что Маша не могла не поменять своего мнения обо всем узрennom.

Машины одноклассники, казалось, не то чтобы не хотели дружить с ней, – они скорее просто пренебрежительно отвечали на ее попытки насмешками и отказами, а после даже начали открыто высмеивать девочку только из-за того, что той всего-то хотелось завести новых товарищей. Вряд ли это происходило из-за того, что девочка как-то выделялась, чем-то таким не подходила им всем – нет, тут дело скорее не в этом, а прямо в противоположном.

Не секрет, что люди интересуются тем, чего они еще не знали и что представляется для них интересным – этим и объясняются новые знакомства с индивидами, которые, казалось бы, тебе совершенно не подходят как собеседники: их взгляды отличаются от твоих во всем, вы постоянно спорите. Однако именно в подобном и заключается вся соль – ведь навряд ли тебе будет интересно, высказывая какие-то суждения, раз за разом наткаться на согласие со второй стороны,

не иметь возможности хоть как-то выразить свою точку зрения ввиду отсутствия хоть каких бы то ни было разногласий. Нет никакой надобности в дискуссии, оба участника которой мыслят одинаково.

Возможно, именно в этом и заключалась причина неспособности Маши сойтись хоть с кем-то? Быть может, она просто никого не интересовала? В чем на самом деле заключалась проблема – в остальных или в ней самой? Но в чем бы она ни заключалась, проблема эта, очевидно, все-таки была, и не видеть этого было нельзя.

Сидя за своей партой на перемене, пока остальные ученики бегали друг за другом или общались, Маше иногда доводилось слышать обрывки чьих-либо слов, делать выводы о том или ином человеке, искать к нему подход. Как только случалось урвать мгновение и застать такого человека вдали от всех его остальных знакомых, девочка пыталась применять свои знания на практике. Будь объект ее внимания чуть старше или чуть умнее, он бы, несомненно, понял бы, что Маша всего-то хочет завести друга, что ничего такого ужасного в этом нет – в общении с ней. Человеку свойственно заводить знакомство – он ведь не зря существо биосоциальное.

Но каждая новая попытка кончалась неудачей: урванные Машей из разговоров заключения не располагали к ней, а скорее наоборот – от нее отталкивали. Некоторые только презрительно усмехались в ответ на Машины приветствия, тогда как другие просто-напросто злились на девочку за то,

что она, мол, знает то, чего знать не должна, а подслушивать плохо в любом случае.

Вскоре у Маши не осталось ни единого шанса на сближение с кем-либо: совершенно все отвернулись от нее, о ней постоянно шушукались, над ней смеялись. Это продолжалось недолго – сам факт насмехательства. Это вскоре прекратилось. Но прекратилось не просто так, а после ужасного происшествия, свалившегося как снег на голову.

Отношения между одноклассниками зачастую доходят до той степени, когда допускается подшучивать друг над другом. Очень скоро, буквально к середине первого года, все ученики не только знали о существовании один другого, но также иногда либо сами заигрывали с кем-то, либо испытывали воздействие заигрывания на себе.

Маше несколько раз доводилось видеть, как один слегка бил другого по голове учебником, потом весело смеялся, и начиналась драка в шуточном стиле – легкая, безобидная, смешная. Это было словно бы обрядом, подтверждающим имеющиеся связи между детьми. Подобная забава никогда и никому не могла наскучить именно потому, что всем всегда было в некотором смысле приятно осознавать, что кто-то к ним проявляет интерес.

В наивных стараниях завоевать внимание окружающих ее детей, Маша предпринимала самые отчаянные меры, решалась делать самые необдуманные (с точки зрения остальных) шаги.

Видя положительное восприятие легких ударов учебниками, видя, как каждому от этого становится веселее, девочка подумала попытаться счастья и сделать еще один рывок в надежде достигнуть до сих пор не достигнутой ею высоты в общении с социумом ее класса.

Как только прозвенел звонок и учитель вышел, ученики встали с мест и пошли к задней части кабинета, чтобы положить в шкафы учебники по прошедшему предмету и взять по тому, который начинался после перерыва. Книга по логике (а именно этот урок только что закончился) была настолько тонкой, что, даже если бы Маша и ударила по жертве своего детского дружелюбия со всей своей столь же детской силой, эта самая жертва не почувствовала бы особенного дискомфорта.

Это знала она. Это знали все, кто явился очевидцем развернувшихся событий.

Однако для той, на кого был направлен Машин интерес, само зарождение его во всеми отвергнутом ребенке являлось крайним кощунством по отношению к высшей касте, к которой принадлежала и «подвергнутая насилию».

Надо бы заметить также, что, выбери бедная девочка объектом кого другого, события бы не приняли тот ход, который, собственно, все же приняли. Просто Маше, видимо, не могло повезти с ее одноклассниками ни в каком возможном отношении. Казалось, что все попытки были заранее обречены на неуспех, на крах, а данном случае – даже на ката-

строфу.

Как только Маша переступила через черту дозволенности, как только ее рука опустила тонкий учебник по логике на крепкую макушку одной из самых привилегированных в классе девочек, как только все это произошло – время словно растянулось для бедного ребенка: все последующее развернулось настолько быстро, что вряд ли это можно было бы описать одной секундой.

Между ударом и импульсом в голову той самой «жертвы». Между импульсом и разворотом головы в сторону удара. Между улыбкой, замершей в предвкушении новой потешной драки, и увиденным сконфуженно-радостным лицом одноклассницы. Между этим и между ответным куда более сильным и в разы более яростным ударом – лишь миг, один маломальский момент.

Маша упала. Она могла бы ожидать того, что ее попытка в очередной раз провалится, но она никак не могла бы предположить, что все станет настолько плохо. Обида, бесконечная обида встала комом в горле, не давала вздохнуть, сдавливала, душила и причиняла жуткую боль, от которой глаза щипало и резало, словно стеклом. Лежа на полу, руками сжимая голову, девочка неудержимо заплакала.

Не все люди звери, и я не хочу, чтобы ты утверждал обратное. Это не так. Однако в каждом – даже в чистой души человеке – порою проскальзывает некая мысль о крайней жестокости, направленной в сторону своего собрата. Это

не является ужасным фактом, это скорее просто обыденность. Вполне нормально иногда желать причинить кому-либо боль. Вполне нормально иногда ее причинять. Единственное, что стоит помнить предельно ясно, – что боль бывает двух видов, и именно душевную причинять не стоит.

Рита – а именно она испытала воздействие Машиного внимания своей макушкой – даже рядом не стояла с жестокими детьми. Наоборот: Рита всегда была примерной ученицей и милейшим и трогательно-заботливым ребенком среди всех детей, по крайней мере, своего дома. Она была немного заносчива, относясь к высшему обществу класса, но жестокость не была ее кредо.

Но в этот миг, этот странный, полный безумия миг, когда она ударила Машу, когда она увидела, как девочка лежит, плача от разочарования, тоски и пронзающей голову боли, когда она поняла, что именно ОНА заставила кого-то страдать – от этого Рита почувствовала приятное жжение в крови, будто бы миллион раскаленных иголок пронзал ее капилляры то здесь, то там, не переставая. Этим покалыванием и было то новое чувство – чувство злостного упоения болью другого существа, ощущение своей силы, своей власти над кем-то более слабым. Животный инстинкт проснулся в этом юном создании слабого пола – ребенку захотелось увидеть результаты своей мощи.

В зрачках самой трогательной девочки мелькнули искры осознания чуть ли не всемогущества, своего практически

полного права делать с более слабым индивидом все, что только заблагорассудится. От такой мысли Ритины губки дрогнули, сложились в дьявольскую ухмылку, а кулачки, эти розовато-бежевые ручки без единого изъяна, еще не испещренные морщинками, сжались, и не успело пройти и полсекунды, а Рита уже обрушивала все свое недовольство на голову, руки, плечи, живот своей соперницы, которая не могла сделать ничего, что помогло бы ей отразить такую ужасную атаку.

Маша лежала на полу, отчаянно пытаясь закрыть руками лицо, – она плакала неудержимо сильно, всхлипывая и задыхаясь слезами, изредка прося прекратить.

Если бы она перестала плакать, если бы пересилила себя, перетерпела эту мучительную боль, такой предательский, зверский выплеск агрессии в свою сторону, если бы она смогла перенести все это, не проронив ни слезинки, как знать, может, Рита бы и успокоилась. Возможно, она бы даже извинилась. А может быть, она бы и не ударила Машу, не упала и не заплачь та сразу же после получения несправедливой сдачи.

Но реальность была совершенно не такой: Маша не могла остановиться, ее рыдания раздавались все отчетливее – и этим девочка, сама того не подозревая, лишь подначивала свою угнетательницу бить еще сильнее, еще ожесточеннее, забывать обо всем человеческом, становиться хладнокровным, кровожадным, пускай и мелкомасштабным, монстром.

Класс был полон детьми, но они только наблюдали, потеряв способность двигаться, говорить и даже реагировать. Все были настолько шокированы, что просто не могли поверить в действительность происходящего. Они отказывались принимать ее, и оттого со стороны могло показаться, будто бы души вдруг покинули их тела, и оттого никто никак не смог бы помочь подвергшейся тирании Машеньке.

Не было слышно ничего, кроме полных боли рыданий и редких захлебывающихся в слезах и тонких лилово-красных ручейках крови, льющихся из разбитого носа, просьб прекратить, глухих и сильных ударов по ребрам и по плечам... Казалось, что даже воздух замерз.

А время злорадно тянулось, перемена длилась бессмысленно долго, и так же бессмысленно плакала и просила съевшаяся на полу девочка. И так же бессмысленно стояли вокруг дети.

Маше на какой-то миг почудилось, будто бы она уже испытывала подобное – не избиение, а словно бы замедление времени, заморозку пространства, момент, когда становится так просто разглядеть атомы вокруг, словно это не атомы, не мельчайшие, незаметные частицы, а снежинки, кружащиеся хороводом в зимнем, ледяном воздухе.

...Да, все верно, такое уже происходило. Происходило в день ее рождения – тогда возникло ощущение паузы, внезапной остановки всего движимого, временной смерти всего живого. В тот самый день все казалось неправильным,

все казалось пластиковым, наигранным, ненастоящим. Сейчас же всего было полным-полно – от боли во всем теле до разрывающего душу вселенского одиночества.

Сейчас всего было настолько много, что ничего из этого не могло быть настоящим.

Вдруг боль пропала: ребра уже не ныли при каждом вздохе, сердце не билось в безумном ритме, а плакать уже не хотелось, да и надобности в этом никакой не было.

Маша открыла глаза: весь мир вновь застыл – все одноклассники с замершими на их лицах страхом и переживанием; Рита с занесенной для очередного удара рукой и с искаженным животной яростью лицом... Солнечный луч на полу не пестрел тенью волнуемых ветром листьев, стрелки часов не стучали, отмеряя равные промежутки...

Упоительная тишина, блаженное спокойствие – предсмертное состояние, близкое к коме, полное бескрайнего равновесия, гармонии, счастья. Маша задержала дыхание, боясь придать Земле вращение, боясь все испортить, всему положить конец.

Как это иронично: только что ее избивала девочка, чувствующая свое преимущество над ней, а теперь сама Маша наблюдала за ее бессилием – видела, как на деле ничтожна сама Рита. Эта красивая девочка, знакомая каждому взрослому своей улыбкой, простотой и учтивым, вежливым обращением, предстала совсем в ином свете: сейчас ее лицо в бликах дневных солнечных лучей казалось перекошенным

неуемной ненавистью к этой слабой, никому не нравящейся девочке, которая ни с того ни с сего подумала, что может с кем-то начать общаться, которая глупо понадеялась, что она – Рита – оценит никуда не годные попытки завести контакты, проявить внимание. Риту сильно возмутили этот поступок, эта дерзость: возмущение было отчетливо видно в сдвинутых в бесчувственном внимании бровях, напряженной шее и руке, занесенной для удара с силой, явно превышающей детскую.

Но Маша ликовала в этот краткий миг передышки. Она сидела, утирая большим пальцем сочащуюся из носа кровавую струйку, и беззвучно смеялась. Рита, это страшное, озлобленное создание, застыло с блестящей в глазах яростью.

Действительно смешно: все люди так ничтожны, стоит их дыханию пропасть.

Маша закрыла глаза и вздохнула, почувствовав резь в ребрах. Ей безудержно захотелось снова заплакать, снова сжаться, лишь бы не чувствовать новой боли.

Все люди так ничтожны, стоит их дыханию пропасть.

И лишь она одна ничтожна, стоит ему появиться.

Воспоминание 5

Ночь уже окутала людские тела одеялами, а сознания их – сном, пустила по всему городу, по каждой его улочке волнами темноту, проникающую в самый укромный уголок, в самое потаенное местечко, но на восьмом этаже в детской спальне одной из квартир не спали две девочки, шепотом разговаривающие о, казалось бы, совершенно обыкновенных вещах, до невозможного, однако, поражающих детские головы.

Маша, прервав разговор на полуслове, отвернулась от сестры и глянула в окно (с восьмиэтажной высоты было видно куда больше, чем с первого этажа у бабушки). Становилось возможным осмотреть просвечивающий кое-где под фонарями пейзаж: грязно-зеленую листву крепких высоких деревьев; искрящиеся ярко-желтым светом окна, засыпающие то здесь, то там; причудливые крыши далеких зданий, имеющие смешную форму.

– Лиза, – сдерживая смех, позвала Маша, не отрывая глаз от представленного ей вида, боясь, что это окажется только миражем, только фантазией, возникшей из ниоткуда и исчезнувшей в никуда. – Посмотри: сапог.

Сестра быстрым движением перевернулась на другой бок и внимательно всмотрелась туда, куда кивнула Маша, словно пытаясь пронзить сгущающуюся тьму.

– Ты про вот эти непонятные крыши? – уточнила она. Напряжение в ее взгляде нисколько не угасло, скорее даже, наоборот, разгорелось.

Маша задорно кивнула, пряча лицо в подушку. Почему-то в этот момент девочке хотелось улыбаться и глупо смеяться без какой-либо очевидной причины. Просто все было так тихо, уютно и одновременно смешно, что нельзя было сдерживать в груди этот сильнейший порыв чувств, душащий хохотом.

Лиза заметила настроение своей сестры и засмеялась.

В приоткрытую форточку вместе с порывами свежего ветра изредка доносились звуки машинной езды, перешептывания листьев деревьев. Облака мерцали отблесками многого множества причудливых, разнообразных огоньков, отбрасываемых окнами, фонарями.

Так было хорошо от не знакомого до сих пор ощущения обособленности: будто нет никого-никого в целом мире и только ты один лежишь и смотришь в чернеющий потолок над собою, будто не существует никаких звуков, способных вторгнуться в гармоничную вселенскую тишину, разрезать ее на части, искромсать – их нет, нет ничего громкого: только шелест, только шепот, только гул, шипение, присвист...

– Я проголодалась, – внезапно проговорила Лиза, не поворачивая головы и держа руки на груди, словно изображая мушкетера или действительно находясь в глубокой депрессии из-за отсутствия еды. – С удовольствием съела бы сейчас что-нибудь.

Маша не чувствовала особенной пустоты в желудке до того, как ее сестра поделилась с ней своими внутренними треволнениями. Теперь и она, в свою очередь, ощутила легкий дискомфорт в области живота, на чем теперь и было сфокусировано внимание всего организма.

– Бутерброд бы съела... – сладко и медленно протянула Маша, закрывая глаза и причмокивая от удовольствия. В ее мозгу мелькнула картинка с аппетитным куском белого хлеба и колбасой, розовой, манящей и такой сочной, такой вкусной, такой предательски невозможной в сей поздний час!

– Я тоже не отказалась бы от кусочка... – подлила масла в огонь Машина сестра, так же, как и она, воссоздавая в своем создании картинки превосходных, ужасно калорийных (что не важно для столь юных существ) и трогательно зывающих к самому желудку вкусовностей.

– Слышишь? – спросила Маша и будто вслушалась. Ничего, кроме бесконечной тишины и перешептывания деревьев. Лиза, однако, тоже напрягла свой слух. Догадывалась ли она о мыслях, посетивших ее младшую сестру, или, может быть, ей самой захотелось воспользоваться сложившейся ситуацией и повернуть ее в нужную сторону – кто знает? Но, как бы то ни было, продолжая отчаянно вслушиваться в неизменную тишь, она ответила:

– Кажется, что да, слышу, – Лиза немного помолчала, будто ожидая, что вдруг что-то ей на самом деле послышится – что-то такое, что могло бы сойти за звук, способный вывести

ее из статуса врушки. Но ничего не доносилось ни из-за двери, ни откуда бы то ни было еще. Только за окном пел ветер и шумно ездили машины, изредка ругаясь на неровный асфальт, но в остальном, как было тихо, так тихо и оставалось.

Маша беззвучно глянула на свою сестру, пытаясь понять, правду та говорит или нет, хотя для нее это было сейчас и не очень-то важно. В случае, если Лиза говорит правду и ей что-то послышалось, непременно должна будет начаться какая-то игра, некоторое подобие расследования квартиры, полной мрака и молчания; в случае же, если Лиза ничего не слышала, то Маша-то уже, в любом случае, дала понять, что, мол, ей что-то такое почудилось. Нет, назад дороги нет – а значит, независимо от того, есть что-то за дверью, шумящее и страшное, или нет там этого, выходить придется. Однако, как и в случае с тем, правда все это или неправда, здесь также вставал вопрос о том, что ожидает двух девочек там – за дверью? За странным порталом, ведущим из детской комнаты, полной сна и умиротворения, в какой-то более взрослый, более серьезный, словно бы даже во много раз более страшный мир, начинающийся прямо вот здесь – в коридоре, скрываемом за деревянным прямоугольником с ручкой.

Лиза осторожно, медленно и плавно, спустила свои ноги по одеялу вниз, на пол. Она не отрывала взгляда от двери, одновременно боясь, как бы та не открылась, как бы за ней не показалось нечто ужасающее, и даже внутренне надеясь на это, храня глубоко внутри себя пленительную чем-

то мысль о возможности существования чего-то неведанного прямо тут, в этой самой квартире.

Тусклый свет фонарей и соседних окон слегка осветляли мрак детской, давая двум девочкам возможность угадывать черты друг друга, опознавать, в какой части комнаты находится та или иная из них. Маша наблюдала за каждым движением своей сестры, от действий которой зависело сейчас так много. В юной голове под воздействием позднего часа, склеивающей глаза дремоты, сгущенных красок, неспешных теней – под воздействием всего этого возникла совершенно невозможная, но крайне вдохновляющая мысль о последующих приключениях.

Младшей сестре все окружающее уже представлялось в виде обстановки для скорых невероятных событий. Кто может знать, что ожидает двух маленьких детей за закрытой дверью, из-за которой донеслись в какой-то миг (было бессмысленной затеей даже стараться переубедить их в этом убеждении) странные шорохи? Кто может знать, что произойдет с ними, стоит только повернуть ручку и приложить немного усилий для толчка двери? Кто может знать?

Никто.

И именно это вселяло в Марию крохотную надежду на чудо. На странную фантазию о сверхъестественном, нереальном. Ей до дрожи во всем хрупком теле хотелось очутиться в центре развития какой-то новой сказки, стать новой Красной Шапочкой, попасть в какую-то книгу. Этой маленькой

девочке так хотелось, чтобы глядя на нее, люди перешептывались и говорили, что это – она, та самая Маша, та, та, та!..

– Ты идешь? – донесся приглушенный голос Лизы от двери. Пока Маша витала в облаках, мечтая о тех днях, когда она станет известной всем и каждому, когда ее имя возвеличится, приобретет другое звучание, будет произноситься с гордостью, Лиза пребывала в реальности, крепко стоя ногами на полу, понимая со всей отчетливостью и ясностью, что никаких чудес и никаких экстрасенсорных проделок не может существовать в этом полном обыденности, заключенном в определенные грани мире. Она прекрасно знала, что за дверью – не портал в неизвестность, а просто-напросто коридор. Дальше – комнаты. И все. И никто не издавал никаких звуков. И ничто не тревожило ночную идиллию. Все спали. Никаких иллюзий, никаких несуразностей – одна рациональность, одна конкретность, обоснованность и понятность.

Да, Лиза все понимает, но сейчас она встала с кровати и взялась за ручку двери не просто так, верно? Не ради променада туда-обратно – это ясно. Но тогда ради чего?

Наверное, она в тайне надеялась, как и ее сестра, на существование чего-то невозможного. Она заранее знала, что ничего из этого не выйдет, но глубоко в подсознании все-таки хранила мечту на разрушение всех своих предположений и предчувствий.

Маша быстро встала и подошла к Лизе. Сердце в груди

билось неистово, так быстро, словно готово было вырваться и пронзить стрелой рассеянную за окном ночь. Тишина была нестерпимой: казалось, что сам воздух состоит из невидимых, длинных нитей, похожих на лапшу, что тянутся с неба до земли, обволакивая собою пространство человеческих судеб. И эти нити были натянуты до предела, так, что сердце, бившееся под ребрами, отбивало по ним неровную дробь, превращающуюся в удивительную мелодию, сравнение с которой невозможно по своей сути.

Ручка, скрепя, повернулась, обнажая жадным детским глазам сереющие контуры предметов в коридоре: комод, дверной проем в родительскую комнату, угол...

Трудно было разглядеть что-то точнее, тем более заметить маленькие игрушечные фигурки за стеклом комода, рисунок обоев – все те детали, которым в любой другой раз не придашь ровным счетом никакого значения и на которые даже и внимания-то никакого не обратишь, но с потускнением, исчезновением которых внутри возникает неприятное чувство дискомфорта, недовольства. Недовольства сродни того, что чувствуешь при лицезрении незаконченного произведения искусства.

Вся квартира сейчас была объята сумраком, казалась непохожей на ту квартиру, в которой они жили. Мрак, тени – все это словно скрывало что-то, утаивало в себе то знакомое, что было всегда перед глазами.

Маша почувствовала, как мурашки холодной чередой

поднимаются по ее позвоночнику, как в жилах остро кололо, а пульс бился с такой силой, что отдавался даже в кончиках пальцев.

Что-то должно быть на кухне. Что-то непременно должно там быть. Иначе все эти переживания, этот дикий ритм сердца – все это будет просто смешно.

Вот уже виден поворот в комнату с вызывающими обильное слюноотделение запасами провизии – угол, за которым скрывается правда. Что там – монстр, приведение? Что-то невозможное? О, определено что-то невозможное! Что-то, что перевернет скучные страницы Машиной биографии и напишет то, что покроет все прочитанное, заставит удивляться этой маленькой девочке и ее невообразимым, невозможным приключениям.

За углом – лишь пустующая кухня, объята ночной сесоростью, как покрывалом. Может, если включить электричество, в дальнем углу они увидят чудовище?

Лиза уже щелкнула по выключателю: яркий свет залил собой пространство, будто это был не свет вовсе, а тягучий мед, медленно проникающий в каждый, даже самый дальний, самый незаметный, угол. И, как только луч от люстры проскальзывал в подобный угол, у сестер перехватывало дыхание в наивной надежде на то, что там всенепременно кто-то есть. И, как только этот самый луч от люстры представлял угол полностью освещенным, достаточно ярким, чтобы убедиться, что он совершенно обыкновенен и пуст, – тогда

девочкам казалось, что внутри у них рвется что-то, похожее на веру в сказку.

Наверное, так же себя ощущаешь, когда осознаешь, что не существует ни Деда Мороза, ни Бабы Яги, ни кого-либо сказочного вообще.

Маша села на диванчик напротив стола и невидящим взглядом, необоснованно полным грусти, уперлась в противоположную стену. Можно было подумать, что от того, найдут две девочки на кухне нечто нереальное или нет, зависела вся их жизнь. Или, как минимум, жизнь Маши, потому что именно разочарование во всем окружающем выражало ее лицо. А Лиза, то ли потому, что была старше на два года и, соответственно, умнее, то ли от того, что не ожидала от этого мира чего-то, чего он себе позволить не может, была абсолютно спокойна. Пока ее младшая сестренка заполняла свой детский мозг всевозможными мыслями, Лиза доставала масло из холодильника и хлеб из шкафчика.

– Ты же с черным хлебом ешь, да? – уточнила она, на мгновение бросая взгляд на Машу. Та сидела все так же, сдвинув брови и думая о чем-то крайне важном для нее. Слегка мотнув головой, она повернулась к Лизе и машинально кивнула, после чего ее брови вновь сдвинулись, направляя мысль в прежнее русло. – Забавно, – отрезая кусочек черного хлеба, проговорила старшая сестра. – Мы с тобой, оказывается, такие разные.

Она замолчала. В ночной тишине нельзя было уловить ни

звука, кроме еле слышимого скрипения не заточенного лезвия ножа о ржаную корку и легкого смешка, заставившего Машу оторваться от ее бессмысленных рассуждений о скучности и безграничной неинтересности окружающей среды.

Лиза заметила молчаливый вопрос, отразившийся в глубине карих глаз младшенькой, и пояснила:

– Ну, начать издали... Я, – она показала свободной рукой на свои волосы. – Светло-русая, а ты, – она махнула рукой в сторону Маши. – Шатенка, даже почти брюнетка. У меня – серые глаза, а тебя – кареватые. И вот теперь – смотри! – Лиза показала ножом на продукты на столе. – Даже еда, которую мы едим, разная. Ты любишь черный хлеб с растительным маслом и солью, а я, – девочка ухмыльнулась, обнажив здоровые детские зубы. – Я предпочитаю белый хлеб со сливочным маслом и сахаром! – Закончив объяснение, Лиза вновь сосредоточила свое внимание на приготовлении полуночного сверхкалорийного перекуса.

Да, подумала Маша, они и вправду разные.

Конечно, они двоюродные, а не родные сестры, но ведь должно же быть что-то похожее между ними, должна же быть какая-то общая черта? Ведь все-таки их отцы были братьями, до ужаса походящими друг на друга. Внешне. Не внутренне.

Но они-то с Лизой не ходят друг на друга никак вообще – ни так, ни эдак. Начиная от волос и заканчивая пристрастиями в еде – все разнится.

Маша лишь улыбнулась подобному умозаключению. Чего еще можно было ожидать от сего дня (точнее – от сей ночи), как не тотального разрушения всего построенного в сознании до этого?

Крепкий, казалось бы, фундамент, замешанный из ясных и вполне конкретных истин, просто-напросто треснул, показав наивно верящему в прочность построения ребенку всю правду-матку. В один момент все так быстро и так глупо рухнуло, что это казалось таким неправильным и таким невозможным.

Маше так странно было вдобавок ко всему прочему еще и узнать, что один из наиболее близких ей людей не имеет ничего общего с ней самой, кроме непосредственной родственной связи. Неужели только благодаря тому, что она и Лиза родственники, они общаются? Не являйся они друг другу сестрами и встретятся они однажды просто так, случайно, как встречаются обычно люди, каков шанс того, что они подружались бы, стали бы так близки, как сейчас?

А они вообще близки?

В детстве все происходящее слишком поверхностно – ребенок не придает значения тому, что или кто его окружает. Просто это есть, и не стоит излишне много спрашивать, по какой причине что бы то ни было происходит. В юном возрасте так глупо забивать свою голову вопросами о смысле того или иного. Детство – это пора беззаботности и ветра в голове. Пора спокойствия, ничегонеделания и ничегонеду-

мания.

И вот в эту самую ночь, в свои девять лет, Маша впервые серьезно задумалась над всем, что происходит. И с этой самой ночи Маша начала слишком о многом себя спрашивать, слишком много чего оспаривать и слишком много чего ставить под вопрос.

Воспоминание 6

В больничной комнате, рассчитанной на троих человек, лежала только Маша. В сотый раз разглядывая давно изученный потолок, окрашенный старой-престарой краской, она бесцельно что-то считала, желая себя хоть чем-то занять.

Прикусив губы от досады на свое заключение в четырех грязных стенах, девочка рывком привела свое тело в вертикальное положение, сев на кровати и кинув взгляд на обстановку палаты.

Дверь в ванную комнату, размеры которой скорее походят на размеры упаковочной коробки от холодильника. Квадратный маленький стол с постеленной на нем скатеренкой далеко не первой свежести и, наверное, повидавшей на своем веку даже пару-тройку войн. Две пустующие кровати, напоминающие Маше о пожизненном одиночестве, которое ей предстояло вкусить уже с ранних лет.

Она встала и подошла к окну – только оно могло хоть как-то связать отрезанную от мира Марию и обходящую ее по дуге жизнь.

Сегодня было солнечно, и от этого на душе было еще тоскливее. Когда снаружи плохая погода, можно хотя бы злорадно улыбаться, воображая, как огорчены все остальные дети, приехавшие в лагерь купаться и веселиться на свежем воздухе, но вынужденные сидеть внутри корпуса, стараясь занять

свое время какой-нибудь бессмысленной чепухой.

Но сегодня в реальном мире, как назло, светило яркое солнце. Его жаркие лучи не достигали глади окна – ветки близстоящих деревьев, их густая листва с красноватыми болячками скрывали свет от этой детской тюрьмы, в которой, казалось, было предпринято все возможное, лишь бы только больные дети никоим образом не смогли почувствовать себя счастливыми, нужными, равными.

Ядовито ухмыльнувшись, Маша бросила взгляд сначала в правый, а потом в левый углы над окном, будто бы желая найти шторы, которые здесь предусмотрительно не повесили. Видимо, единственным занятием являлось бесконечное желание выйти из заточения, глядя на манящую природу за невидимой, но осязаемой границей.

На столике стояла глубокая тарелка, полная жидкой и наверняка уже давно остывшей манной кашей. Никакого масла, само собой разумеется, к этой скудной пище не предусматривалось. Все, что хоть как-то могло перебить отвратительное безвкусие манной крупы, бесчувственно превращенной в подобие супа для создания иллюзии большего объема, – это стоявший рядом стакан с компотом.

Девочка встала рядом с принесенной ей трапезой и, взяв стакан в руку, поднесла его к глазам, желая рассмотреть в свете. Толстое стекло хранило на себе въевшиеся салные разводы и сероватые отпечатки явно невымытых пальцев разносчицы. Эта женщина склонила бы состояние на разносе

микробов, а вот еду по палатам развозить – это уж занятие явно не для нее.

Есть было некуда, поэтому, взяв тарелку со стаканом в руки, Маша села на подоконник, прислонившись спиной к стенке.

Казалось, что манная каша уже была кем-то переварена, а компот – это не что иное, как желчь, вышедшая из того же организма, что и первое блюдо. Есть было не противно, а невозможно. Но еще невозможнее было прожить без пропитания, и эта аксиома вынуждала бедного ребенка проталкивать манку вовнутрь, всеми силами стараясь при этом не дышать, надеясь, что это поможет обмануть желудок.

Рвота подступала к горлу, слезы выступали на глазах, а за окном предательски ярко светило солнце, смеялось искристыми лучами, от которых нельзя было скрыться в этой квадратной комнатушке без штор, без иных комнат, кроме ванной «картонной коробки».

Кое-как пропихнув в себя ужасную жижу, Маша допила компот и поморщилась от ужасного отвращения – внутри будто бы горело что-то. Можно было подумать, что это не компот из яблок, а яблочный уксус, к тому же испорченный.

Эта еда, эта комната с отвратительными стенами, окрашенными в плесневело-синий, этот белый потолок с коричневыми подтеками, на котором ночью так любят собираться мухи и жуки, эти шаткие кровати с постеленными на них

простынями запаха крахмала и надписями «Минздрав предупреждает» – из-за всей этой ужасной, непереносимой обстановки в душе девочки возникало чувство крайнего одиночества. Когда тебя оставляют в столь гадком месте, немудрено, что в голову приходят далеко не вдохновляющие мысли. Когда тебя никто не навещает, когда тебя кормят какими-то объедками – все это не способствует улучшению настроения или самочувствия, из-за ухудшения которого ты и попадаешь сюда.

Более того, Маша здесь одна. То есть ей не с кем общаться, разделить свое горе. А человеку крайне важно иметь возможность кому-то выговориться. Время от времени к горлу подступает волна слов, не выплеснуть которую просто нельзя.

Да, можно разговаривать с собой, но тогда из этой комнаты девочка легко может попасть в другую – уже в настоящей больнице, более того – больнице для умалишенных, где до конца дней своих ей придется общаться лишь со своим спроектированным другом, сидя укутанной в белую смирительную рубашку.

Сев на кровать, Маша посмотрела в окно и в сотый раз возненавидела сегодняшней день. В сотый раз она подумала, что мир – внешний мир – всеми доступными ему способами пытается отгородиться от нее, спихнуть в сторону, попросить не мешаться под ногами эволюции и вселенского прогресса, всемирного движения в поисках смысла жизни

и прочего, и прочего.

С самого детства Машу не покидало чувство своей внутренней неправильности, испорченности. Она была котенком с изъяном, с физической слабостью – такого кошка обыкновенно пытается сунуть куда подальше, подарив ему тем самым смерть, а самой себе и остальному своему (здоровому) потомству спокойное благополучие.

Вот так и ее постоянно выпихивают, засовывают в дальние места, чтобы только она перестала отвоевывать свое право на существование, думать, что она такая же, как и все остальные.

Нет, не то чтобы она была особенной. Скорее, она была просто-напросто испорченной. И именно поэтому ее отвергали.

И именно поэтому сейчас Маша сидит на пахнущих крахмалом простынях (наверняка куда более питательных, чем только что съеденная каша), смотрит в стеклянное окно стеклянными глазами, а по щекам ее текут обжигающие соленые слезы, в которых ты смог бы разглядеть печаль и мольбу, крик о помощи, надежду на компанию, на появление друга. Ты мог бы разглядеть в них грусть, потому что ей некому выговориться, ей не кому рассказать о грызущей ее сердце боли.

Она делила пространство комнаты с тремя пустыми кроватями и больше всего на свете в этот момент желала бы видеть, как тыходишь к ней.

Но, сколько бы она ни смотрела на серую от пыли дверь, та не открывалась. И с каждым проходящей секундой в груди ныло и тянуло все сильнее.

Сердце начало рваться.

Только никто об этом не знал.

Воспоминание 7

В ранние свои годы Маша не похвасталась бы особенной или какой бы то ни было тягой к книгам – бумажные миры для нее были чем-то неведомым, непознанным и потому не вызывающим никакого интереса. Ребенку вполне хватает и дворика, где он может погулять, и садика, где он может увидаться со своими друзьями, и дома, где он может есть и спать, черпать из душ родных, как из бездонных колодцев, любовь и ласку, трепет и заботу. Какие уж тут книжки, какое уж тут чтение, когда вечером не хватает сил даже на то, чтобы поцеловать любимую бабушку перед сном?

Но то относилось к действительно ранним годам – к времени беззаботности и игры, бесцельного полета мысли, витания ее в облаках. Сейчас же, в пору, когда совершаются первые неловкие шажки в сторону взросления, Маша наконец открыла для себя параллельные реальности, созданные воображением других, более мудрых людей, этот чудесный способ приукрасить действительность, когда та кажется серой, скучной и приевшейся.

Это открытие, мало сказать, поразило юное создание, – оно перевернуло все с ног на голову! Ведь скольким теперь можно себя занять, пока социум тебя всячески отвергает, всеми способами пытается от тебя спастись? О да, книги – они не люди. Но это не означает, что они хуже, скорее наобо-

рот – лучше. Книги не способны уходить, а бьют они лишь вследствие приложения к ним силы со стороны человеческих мускулов. Сами же они не могут взлететь и стукнуть – это обстоятельство дает им несомненное преимущество перед любым живым существом.

«Гарри Поттер», его волшебная жизнь, его удивительная история – вот, с чем познакомилась Маша сначала. Уже и не сказать с уверенностью, как на полке в ее комнате появлялись новые и новые тома, кто их покупал и почему, собственно, не что-то другое, а их (но в любом случае, девочка была благодарна за то, что покупали именно эту фантастическую выдумку) – все было неважно, ведь единственное, что могло иметь значение на протяжении нескольких месяцев (детки ведь читают медленно, не смейся), – Гарри, Хогвартс, магия.

Неудивительно поэтому, что Маше постоянно хотелось найти приключения, а за каждым поворотом ей мерещились то тролли, то дементоры, то сам Воланд-де-Морт. Детское сознание – кладезь неисчерпаемого запаса воображения и фантазии. А воображение и фантазия способны с завидной легкостью превратить самый скучный жизненный сюжет в нечто сверхудивительное, сверхинтересное. Представившейся возможностью занять себя разнообразными новыми выдумками, погрузиться в нечто невозможное нельзя было не воспользоваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.